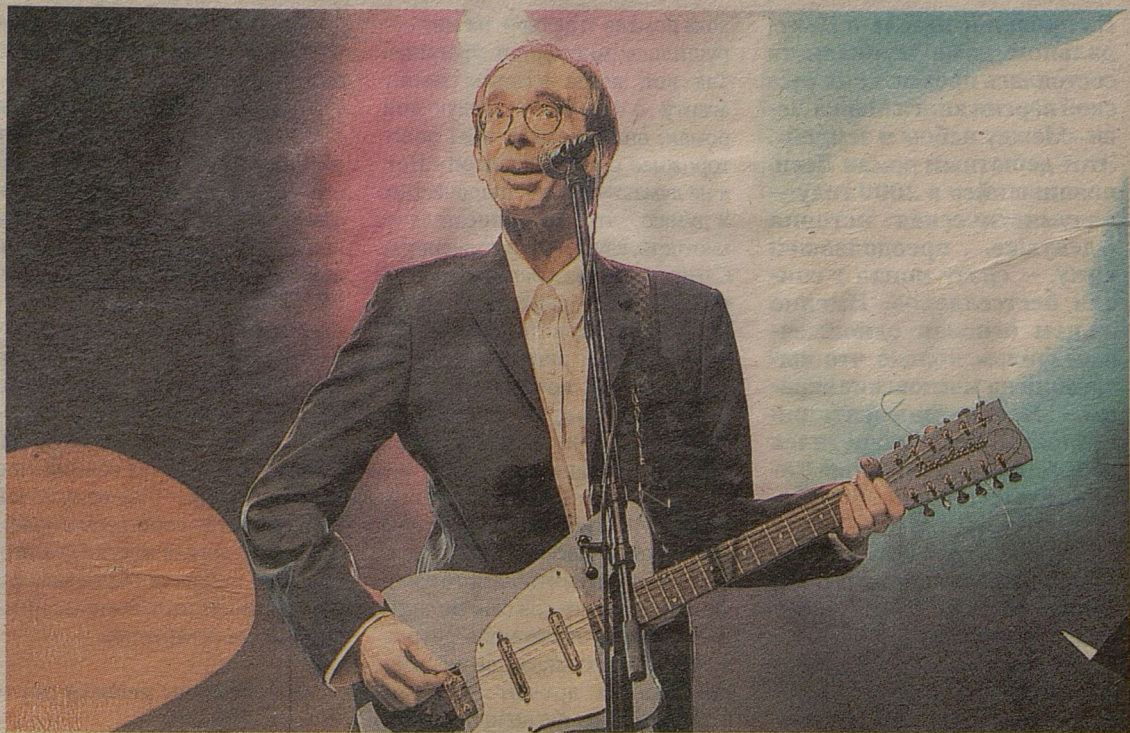

Арто Линдсей в Москве

Бразилия сквозь скрежет

Григорий Дурново

Американский гитарист и певец Арто Линдсей — фигура удивительная хотя бы потому, что он одинаково органичен в таких, казалось бы, абсолютно несочетаемых областях, как самый зубодробительный, оглушающий авангард и нежная, чувственная бразильская музыка. Бразилия — место, где Арто провел детство, и главный стержень его творчества. В конце 1970-х Линдсей играл в агрессивной грохочущей группе DNA и даже посреди такого кошмарного шума умудрялся незаметно вставлять элементы бразильских ритмов и строчки на португальском языке. Связь с Бразилией проявлялась и в издательской танцевальной попсе, которую он создавал в рамках группы Ambitious Lovers, и в сольных электронных экспериментах. Музыкант также входил в состав ироничного панк-джазового коллектива Lounge Lizards и, разумеется, не избегал сотрудничества с отцом нью-йоркского авангарда Джоном Зорном. Именно завывания гитары Арто слышны, например, в фильме Джима Джармуша «Вне закона», когда герои блуждают по луизианским болотам. Кро-

ме того, Линдсей работал с британским художником звука Брайаном Ино, японским композитором Рюити Сакамото, немецким театральным режиссером Хайнером Мюллером.

Поздним субботним вечером на сцене Клуба на Брестской в сопровождении сосредоточенного клавишника-электронщика и ослабленного басиста, смущенно озираясь, появился человек, чем-то похожий на сотрудника научно-исследовательского института. Когда он взялся за гитару, создалось впечатление, будто он держит в руках детскую игрушку, которая при любом прикосновении начинает дико верещать. То, что производил Линдсей, было самым образцовым шумом из всех возможных шумов. Потом из общего гула возник размеренный компьютерный ритм, и под нерешительный звук рояля Арто вкрадчиво запел. По отдельности каждый элемент этой музыкальной массы был понятен, но вместе все это не походило ни на что. Дэвид Бойл управлял клавишными тембрами и туповатым битом, басист Мелвин Гиббс неожиданно рождал соло, как будто позаимствованные с продвинутого рок-альбома, а Линдсей то извергал

из гитары совершенно нечленораздельный скрежет и треск, то пел — проникновенно и почти надрывно. Особенно трогательно его голос на фоне этой страннейшей смеси звучал, конечно, при исполнении песен на португальском. Ассоциации рождались крайне нелепые: то ли бразильцы танцуют в каких-то застенках, где их зверски пытаются, то ли нового романтика и электронного модника Джей-Джея Йохансона задумали скрестить с Петром Мамоновым. Ощущение вопиющей неуместности происходящего поразительным образом подчеркивало подлинность чувства. Под конец, правда, это сочетание вальжных ритмов, ярости и задумчивости, эти резкие обрывы стали уже несколько приедаться. Наиболее пронзительно прозвучал небольшой номер, который Линдсей исполнял без помощи других музыкантов: терзая гитару что есть мочи, он старательно выпевал бразильский мотив, а затем переключился на слюнявый американский шлягер «I'm So Lonesome I Could Cry», в котором при таком сопровождении обнаружилась истинная страсть и искренность. Однако больше Арто один не сыграл ни разу.